

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА,

утвержденная Святѣйшимъ Синодомъ.

1. Событія текущей жизни и ихъ освѣщеніе съ христіанской точки зрѣнія.
2. Изъ жизни православной церкви.
3. Изъ раскола и сектанства.
4. Изъ міра инославнаго.
5. Отклики на голоса въ печати.
6. Библиографія.
7. Отвѣты на запросы читателей.

Правда Православия

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: С.-Петербургъ, Николаевская 22, кв. 2.

Ц Ъ Н А:

За 15 пробныхъ №№—2 руб. ❖ Годовая подписка—5 руб. ❖ Отдѣльный № 20 коп.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отъ редакціи.
Какъ разобратъся по-христіански въ политическомъ водоворотѣ нашихъ дней.
Въ ожиданіи собора.
Правила приходской жизни, вырабатываемыя С.-Петербургской единовѣрческой общиной.
Объ единовѣрческомъ епископѣ.

Переписка между высокопреосвященнымъ Антоіемъ, Архіепископомъ Волынскимъ, Предсѣдателемъ VI отдѣла Преосборнаго Присутствія и старообрядческимъ именуемымъ архіепископомъ Іоанномъ Каргушиннымъ.
Разность миссіонерской и пастырской точки зрѣнія.
Отповѣдь православнаго на защиту папства.
Отвѣты на запросы.

Отъ редакціи.

Выступая съ своимъ голосомъ въ повременной печати, мы хотѣли бы послужить Православію чрезъ раскрытіе его правды жизненной. Прошлое и настоящее Православія между собою мало схоже. Въ прошломъ православія, въ свято-отеческомъ направленіи мы видимъ чистое, святое христіанство, исчерпывающееся внутреннимъ міромъ души каждаго отдѣльно христіанина (индивидуалистическое направленіе). Свято-отеческое Православіе строилось на личномъ опытѣ, на жизненномъ воплощеніи евангелія тѣхъ, кто вошелъ въ сонмъ святыхъ. Иноческія учрежденія, съ виду общественныя, въ дѣйствительности были попытками облегчить общими усилиями личное усовершенствованіе. Создавались изыскан-

ныя условія быта, чтобы и чисто внѣшними способами помочь человѣку сдѣлаться христіаниномъ. Душа же однако иноческаго устроения жизни заключалась въ старчество, въ искусствѣ воспитать личность (индивидуумъ) въ христіанскомъ духѣ.

Святоотеческое Православіе, какъ его прошлое, представляетъ изъ себя положительное служеніе церкви, христіанства, въ дѣйствительномъ жизненномъ преобразованіи, перевоспитаніи людей изъ дѣтей природы въ христіанскій образъ сыновъ Божіихъ. И то опытное построение великихъ духомъ.

Настоящее Православіе — переходное состояніе. *Личное (индивидуалистическое) воплощеніе евангелія* составляетъ и по настоящее время единственное украшеніе, оправданіе Православной церкви. Но это, подѣ историческимъ освѣщеніемъ, по преимуществу *прошлое Православіе, именно какъ единственная,*

самоисчерпывающая его задача. Теперь, Православіе, какъ общество, какъ государство, живетъ. Оно исторією, судьбами Верховнаго Разума, поставлено на ряду и, по нашему крайнему разумѣнію, на смѣну прежняго, натуральнаго, языческаго уклада жизни. И самое насущное дѣло нашихъ дней—выяснить общественное и государственное назначеніе христіанства въ томъ его жизненномъ, опытномъ направленіи, какое имѣло Православіе въ его прошломъ, святоотеческомъ, только съ расширеніемъ области опыта.

Понятіе церкви, въ ея составѣ, Православіе не суживаетъ духовенствомъ. Христіанское построеніе жизни не вмѣщается всецѣло въ стѣны храма. Знаменемъ Христа объемлетъ вся полнота жизни („исполненіе церкви твоея сохрани“,—изъ молитвы церковной). Когда еще составъ церкви былъ въ самомъ зачаточномъ видѣ и когда церковь лишена была возможности составить цѣлое, самостоятельное общество, уже тогда ап. Павелъ изумлялся, какъ христіане могутъ ввѣрять свои „житейскія тяжбы“ судьямъ иного міровоззрѣнія: „неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими“?

И вотъ настоящее Православіа, глухое къ общественному—государственному устроенію жизни, замкнулось въ стѣны храмовыя, облюбовало условную декорачію и въ лицѣ иныхъ представителей духовенства свело назначеніе церкви на одно исключительно богослуженіе. Порой слышатся властные голоса закрыть духовенству глаза на жизнь, на ту дѣйствительность, изъ которой люди всѣми силами хотятъ вырваться, но теряются за отсутствіемъ прочной опоры. Какъ это ни уродливо, но есть и въ «князьяхъ церкви» настолько слѣпые, что сами отказываются и другимъ запрещаютъ показать свѣтъ Христовъ.

Будущее Православія, чуткое къ запросамъ настоящаго, вѣрное жизненному направленію прошлаго, заключается во *внесеніи христіанской струи въ потокъ общественной и государственной жизни*, во всю полноту жизни всего множества людей православныхъ.

Кто изъ читателей увидитъ въ нашихъ рѣчахъ невѣрность тому церковному воззрѣнію, подѣ какимъ мы должны смотрѣть на

жизнь, просимъ по братски не отказывать намъ въ „наказаніи“.

Открывая охотно свои страницы сотрудицамъ изъ вѣрныхъ идеѣ церкви, какъ осуществленія евангелія въ жизни, мы увѣрены, что, если не превозможетъ «немошь плоти» (апатія російская), на наше приглашеніе естественно откликнуться весьма и весьма многими. Попробуйте, сочувствующіе, оцѣнить по христіански окружающую дѣйствительность. Евангельское „должно“ рѣзко и если не постоянно, то зачастую расходится съ тѣмъ, что „есть“. Гдѣ что „есть“ какъ „должно“—порадуйте чрезъ печать въ „Правдѣ Православія“. А гдѣ „есть“—злостная насмѣшка надъ тѣмъ, какъ „должно“,—передайте на общую скорбь.

КАКЪ РАЗОБРАТЬСЯ ПО-ХРИСТІАНСКИ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ВОДОВОРОТѢ НАШИХЪ ДНЕЙ.

Чтобы придти въ себя и сколько-нибудь войти въ пониманіе кровавой дѣйствительности, необходимо найти точку опоры внѣ дѣйствительности и выше дѣйствительности

Христіанское и просто общечеловѣческое мышленіе даютъ такую точку опоры и приложение ея къ дѣйствительности способно помочь опомниться и освоиться человѣку-гражданину среди кошмара, опустившагося надъ русскою землей.

Мы въ чаду перекрестныхъ убійствъ.

Какое оправданіе сами активные участники внутренней войны высказываютъ кровожадности и озвѣрѣнію современности?

Два магическихъ словечка слышатся въ терризованномъ обществѣ: революція и реакція.

Судь принадлежитъ исторіи. А намъ, какъ кровнымъ братьямъ съ тѣми, кого убиваютъ и кто убиваетъ и дикарски насильничаетъ, намъ не до суда. Пожаръ, охватившій домъ, не судебное мѣсто и въ пожарѣ не до отыскапія виновныхъ въ пожарѣ, а первое и единственное дѣло всѣхъ—утушить пожаръ.

Въ эпидеміи убійствъ, насилій нѣтъ иного средства охладить горячечную кровь, какъ только слово, мысль, убѣжденіе. Какъ бы ни было съ перваго взгляда слабо, малодѣйствительно средство слова, убѣжденія, однако и вода для огня не болѣе сродное, и не болѣе по видимости дѣйствительное средство. Пожаръ отъ крайней ограниченности въ противопожарныхъ орудіяхъ, дѣйствующихъ водою, иногда предоставляется самъ себѣ, пока не возьметъ огонь все, что онъ можетъ взять. Не то съ адскимъ огнемъ терроризаціи, который охватилъ всю Россію и грозитъ перейти въ хроническое состояніе.

Анализируя природу этих кровавых и ненасытных гидр, как их называют: революция и реакция, мы без труда усматриваем в том и другом чудовищную преступность, каковой имя: действия скопом. И революционер, и злостный реакционер уверен в одобрении от своей партии, действует ли он в качестве уполномоченного агента или по собственному вдохновению, по личной инициативе. Эта уверенность в одобрении партии, это искание славы или подвиг повинности перед задачами партии — пережиток, культурно замаскированный, тем не менее пережиток стадности, бессознательного действия за массой и в массе. Гашиш отравления собственного сознания и вообще превращение всего себя, своей жизни в слепое орудие с явным отравлением своих чувств противоестественным озлоблением — вот душа революции и реакции.

Смерть революции и реакции для сознательных участников ее — в раскрытии ненужности, бесполезности ее кумиров. Молох революции — реакция водружен по преимуществу из сознания вредности противной партии. Реакция считает врагом государства революцию, а революция реакцию так аттестует. И вот во имя безопасности населения, все население в отцеплении от террора. Большая выдумка, как бы ни разрисовывалась, остается насмешкою над здоровым смыслом.

Правительство поставлено в безвыходное положение и бессильно осуществлять свое первейшее назначение — обеспечить население безопасность, когда реакция, страшнейшая революция, маскируется сторонником и защитником правительства. Печальнейшее событие в Петроград 13 августа — смерть генерала Мипа получает злобное значение, когда мы читаем в газетах телеграмму „союза русского народа“ по адресу л.-гв. Семеновского полка: „Вместе с полком мы все проникнуты чувством глубокого негодования и неудержимой жаждой отмстить преступникам за смерть вѣрнаго слуги Царя и отечества. Выражаем надежду, что честно исполняющий свой долг Семеновский полк не простит за своего командира“. То же „общество“ клянется „именем своих дѣтей“ „отомстить“. Злобное событие 12 августа на Аптекарском острове пробуждает в мятежных людях клеветническую злобу, когда они пишут во имя патриотизма: „Да вразумит вас Господь прекратить пагубное и преступное непотребление. Только широкое применение смертной казни, полевого суда и истребление злодѣев может спасти Россию. Глумление над правосудием, волокита и явное потворство извѣнникамъ судебного вѣдомства усугубляет наглость евреев и русских интеллигентов. Тысячи злодѣев должны быть казнены“. Не менее преступно разсылаемое будто бы по главарям революции с таким же разбором, с какой грамотностью написано, гек-

тографированное послание от вновь народившегося Тайного Общества „Смерть за Смерть“.

И над всеми этими выходками реакции, зачастую приплетающей нетрезвым языком церковь и Христа в число союзников и защищаемых, где-то в недостижимой выси и дали раздаются слова: „Если друг друга угрызают и съѣдают, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом“.

И революция, начинающаяся во имя благоденствия народного, действующая во имя умиротворения страны, никаких оправданий не заслуживает. Это все равно, что для наибольшей солидности, под фундамент возводимого здания, заложить фугасы, набить порохом подвалы, чтобы при малейшей неисправности и неопытности мастеров-строителей исправлять их и дефекты постройки взрывами, как самыми радикальными средствами.

Реакция кровавая вызывается к существованию и существует, потому что создается революция. И революция, как *raison d'être* реакции, вдвойне виновна пред обществом — во 1) за себя и во 2) за реакцию.

Отрицая реакцию, как больной нарост, как дикое мясо, за ее маскировку в качестве помощницы правительства в его насущном назначении — обеспечения безопасности населению прежде всего внутри государства, осуждая революцию за ее тактику, нельзя не указать, — конечно, не в оправдание, а в объяснение, откуда выходят эти гидры, на те причины, которые лежат в их глубинах, как естественные состояния.

Оставим разговор про кровавую реакцию, как антитезу кровавой революции. Обратимся к мирному обыденному прозябанью людскому. Как у громаднейшей реки начало — зарождающийся источник иногда берется из ручейка, так всякое общество всегда в зачаточном виде имеет в себе элементы революции и реакции. Как источник начало, революция живет отрицанием несправды, а реакция защитой несправедливости во имя той или иной корысти. С христианской точки зрения предосудительнее защита несправедливости и достойно одобрения обличение неправды, которое в своей ценности возвышается по степени безкорыстности, сострадания и благожелательности. Но как только голос защиты правды и обличение несправедливости переходит в стихийное недовольство, раздражение, то, по христианскому мировоззрению, производится покушение с негодными средствами, это уже из чистаго, яснаго до самопрозрачности источника — ручья истекает химически иного состава вода, воспринимающая муть, загрязнение, отравление не от источника, а от тех покровов земли, чрез которые пробивается наружу и разливается; вместе лице чувства, сердце, как стѣнки протока, вносит в прекрасное явление природы порчу, хотя бы тоже от природы!

Разливъ рѣки бываетъ разрушительнымъ, это—бѣдствіе стихійное. Совершенно такая же стихійность, гораздо разрушительнѣе всякой стихійности природы, создается и отъ естественнѣйшаго, благороднѣйшаго чувства состраданія и благожелательности, когда оно захочетъ перейти въ явленіе массовое и замутился адскими чувствами ненависти, злобы.

А почему собственно перерождается альтруизмъ въ революцію? И это понять не невозможно.

Всякій участникъ боевой организаціи скажетъ, что въ ассоціаціи, въ союзѣ человекъ становится сильнѣе.

Вотъ это то исканіе силы въ массѣ и кладетъ начало извращенію благороднаго движенія сердца человѣческаго въ звѣрское. Бѣда вся оказывается въ безсильи человекъ, выступающаго за правду и справедливость. Раствореніе человекъ въ массѣ, вербовка боевой организаціи означаетъ, что у людей мало гражданскаго мужества въ стояніи за правду, въ обличеніи неправды. вмѣсто непоколебимаго стоянія въ чувствахъ благороднѣйшихъ человекъ набираетъ партизановъ и начинаетъ дѣйствовать изъ-за угла, по неразборчивости въ средствахъ превращаясь въ первобытнаго дикаря со смертоносными способами борьбы.

А создайся ассоціація людей на лучшихъ чувствахъ состраданія и благожелательности и открой свою дѣятельность средствами достойными, соотвѣтствующими природѣ мотивовъ, совершенно будетъ иное. Да и реакція обнажится и въ наготѣ своей будетъ гадлива, не наряжаясь въ несвойственную ея природѣ маску защиты невинности.

Если бы многочисленныя массовки спаливались въ чувствахъ лучшихъ, высшихъ, пробуждаемыхъ всякимъ проявленіемъ обиды, несправедливости, то въ этомъ была бы страховка отъ кровавой революціи, слѣд., не было бы и кровавой реакціи. Во 2) успѣхъ въ защитѣ правды былъ бы полный, положительный да и безъ всякихъ жертвъ.

А между тѣмъ все это дѣло обличенія неправды, тьмы жизни и устроеніе жизни на началахъ высшей человѣчности составляетъ общественную задачу церкви, какъ реализаціи христіанства въ жизни, въ условіяхъ общественныхъ, государственныхъ.

Православіе, какъ церковная организація и на русской землѣ самая численная организація на фонѣ современности стоитъ безъ признанія. Вино вато здѣсь невѣдѣніе. Такъ съ голоду можетъ умереть человекъ отъ невѣжества своего на землѣ, въ которой непочатая, безцѣнная подзаемныя богатства. И перемрутъ поколѣнія отъ невѣжества, и обратятся въ убогое кладбище голода золотоносныя руды, пока случайно не набредетъ на нихъ человекъ ума, науки.

Пусть наша „Правда Православія“ будетъ голосомъ, хотя бы многими и даже изъ сонмапредставителей неподозрѣваемой, пусть даже отрицае-

мой, но несомнѣнной истины: зачѣмъ голодныя смерти, когда всѣ Крезы предъ нами нищѣ. Зачѣмъ искусственныя, скажемъ, голодовки въ странѣ блужданій, когда въ отчемъ домѣ полная чаша, истинное питаніе, а не суррогаты?!

Реданторъ.

Въ ожиданіи собора.

(Потребность первой необходимости—войти въ церковное сознаніе единства).

Благая вѣсть разнеслась по русской церкви: весною 1907 года будетъ соборъ. Кому дорого христіанство, кто скорбитъ душею за церковь, кто хочетъ надѣяться на обновленіе всей земли по всѣмъ областямъ жизни, тотъ лелѣетъ мечту о соборѣ церковномъ, какъ о многообъщающемъ зародышѣ новой жизни во славу Христа.

Да явитъ свою зиждительную силу зимній покровъ, который отдѣляетъ насъ отъ собора. Намъ надо запастись свѣжими силами и совершить творческую работу въ себѣ и надъ собою, разъ отвѣтственность за соборъ предъ исторіей ложится на наше поколѣніе

А есть чѣмъ заняться, чтобы соборъ оказался на высотѣ своихъ историческихъ задачъ.

Первымъ и насущнѣйшимъ условіемъ быть приуготовленными къ собору и быть полезными участниками собора является выработка церковнаго сознанія единства.

Исчезновеніе церкви съ лица родной земли, въ качествѣ дѣйствующей силы, въ наши смутные дни обусловливается прежде всего отсутствіемъ сознанія единства, а оттого мы и неспособны составить организованное цѣлое.

На самомъ дѣлѣ, наша церковь разбилась на взаимно разобщенные слои и внутренно даже въ себѣ лишенные единства, это: архіереи, приходское духовенство и міряне. Всѣ три слоя между собою въ отношеніяхъ недоувѣрія, подозрительности, натянутости.

Народъ не безъ достаточныхъ оснований смотритъ на священство какъ на профессию, родъ службы, весь смыслъ которой—въ обезпеченіи ея существованія занятыхъ лицъ. Это—плоскость зрѣнія очень низкая и оскорбительная для идейныхъ представителей духовенства.

Духовенство ропщеть на бытовое свое положеніе и рвется вонъ въ лицѣ своихъ дѣтей изъ положенія безправнаго и унизительнаго по способу содержанія себя.

Архіереи оказываются, хотя не совсѣмъ безъ вины, но самыми виновными: какъ отвѣтственные по идеѣ и по положенію за благосостояніе церкви, они отовсюду судятся по идеѣ своего служенія и имъ отказываютъ въ признаніи извиняющихъ вину обстоятельствъ.

Всѣмъ элементамъ церковнаго состава не по себѣ, никто не занимаетъ нормальнаго положенія, всѣ заняты обвиненіемъ другъ друга и по чувству искренняго желанія лучшихъ условий церковной жизни беспощадно строги въ судѣ, не входя въ справедливую оцѣнку дѣйствительности, въ порывѣ пророческаго обличенія отказывая во вниманіи стихійно-сложившемуся укладу жизни.

И до собора, и на соборѣ въ первую очередь само собою выдвигается взаимное примиреніе чуждающихся другъ друга составныхъ частей церковнаго организма: народа, духовенства и высшей правящей іерархіи.

Но примиреніе во имя одного примиренія излишне, да кстати и неосуществимо, какъ актъ формальный.

Иное дѣло, примиреніе во имя высшаго интереса, во имя общаго дѣла, на почвѣ внутренняго единства изъ-за яснаго сознанія неумѣстности—противоестественности разъединенія.

А для этого необходимо признаніе другъ за другомъ искренности въ преслѣдованіи общихъ интересовъ, которые сами собою должны выплыть въ общемъ сознаніи, какъ дѣло общецерковное.

Во всестороннемъ и свободномъ изъясненіи задачъ современныхъ церковныхъ и народъ, и духовенство, и верховная іерархія поймутъ другъ друга и восчувствуютъ взаимное довѣріе, уваженіе, когда сойдутся въ лучшихъ чувствахъ—чаяніяхъ.

Въ настоящее время, пока нелегко сдѣлать даже постановку вопроса частичнаго изъ жизни церковной, настоль глубока бездна подозрительности отъ разъединенія.

Лично состоя въ рядахъ духовенства, пишущій эти строки находитъ самымъ отвѣтственнымъ духовенство, въ смыслѣ непосред-

ственной соприкасаемости къ двумъ остальнымъ мірамъ—міру высшей іерархіи и народа, такъ, съ другой стороны, въ смыслѣ наибольше активной силы церковной.

Поставленное въ условія наибольшаго давленія жизни, духовенство, пожалуй, осязательнѣе нуждается въ измѣненіи условий церковной жизни, сравнительно съ народомъ и высшей іерархіей.

Охлажденіе, отчужденіе народа до степени глухой враждебности къ церкви, въ лицѣ ея непосредственныхъ представителей, невыносимо больно духовенству, какъ прежде всего показатель ненужности его служенія. Недовѣріе и порой произвольное вторженіе высшей іерархіи, въ видѣ излишней опеки, для духовенства равнозначуще разстройству въ организмѣ между центрами и периферіями.

Духовенство между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, въ отзывчивой и идейной своей части, вполне способно снять съ себя подозрительность и пренебрежительность, если только получить возможность полнѣе и громче высказаться.

Время до собора и самый соборъ, по крайнему нашему разумѣнію, сдѣлаетъ важное церковное дѣло, если только воспослѣдуетъ взаимное сближеніе и рухнетъ китайская стѣна нетерпимости между церковными слоями.

Пользы никакой не можетъ быть, если соборъ пересмотритъ церковную жизнь и внесетъ новыя правила, пусть даже научная каноническая мысль, сверхъ всякаго ожиданія, скажется съ силой мощной.

Рознь можетъ еще усилиться, если обезпечить самымъ мудрымъ образомъ и народу, и духовенству, и высшей іерархіи полнѣйшую независимость. Безъ одушевленія общими и жизненными интересами правовая автономность всѣхъ трехъ слоевъ церковнаго общества можетъ перевести церковь въ состояніе оторванности и совершенной разъединенности органическихъ составныхъ ея частей.

Грѣшно позабывать, что соборность знаетъ особое начало для рѣшеній—единомысліе, полнѣйшее согласіе, которое возможно только подъ условіемъ признанія всѣми положеній, входящихъ на разсмотрѣніе собора, въ качествѣ запросовъ жизни.

Измѣреніе производительности всякаго органа числомъ постановленій грозитъ собору

предстоящему, судя по дѣятельности Предсоборнаго Присутствія, обратиться въ формальную коллегію.

Насколько сознание церковныхъ представителей просочилось шаблонами политическихъ учреждений, видно изъ того, что въ Предсоборномъ Присутствіи получилъ искусственную важность вопросъ о рѣшающихъ и совѣщательныхъ голосахъ. А какъ рѣшеніе составлялось по парламентарному началу большинства голосовъ, само собою напрашивается осужденіе на выработанный для собора ходъ рѣшеній: епископамъ принадлежитъ право, какъ верхней палатѣ, заканчивать по своимъ понятіямъ то, что предложитъ нижняя палата. Обстановка заготавливается для самага бюрократическаго порядка производства дѣлъ. Принимая же во вниманіе историческую рознь, а отсюда недоверіе высшей іерархіи къ духовенству и мелочную кабинетную попечительность о народѣ, можно только бояться собора и опасаться за его соотвѣтствіе голосу жизни, дѣйствительнымъ нуждамъ церкви.

Если суждено Предсоборному Присутствію вторично собраться, если дано быть и самому Собору, наши надежды направлены въ 1) на измѣненіе способа вершенія дѣлъ, во 2) на самую постановку вопросовъ.

По части запросовъ жизни нѣтъ недостатка. Надо сознаться, что мы исказили самое понятіе церкви, сведя его на церковность и вѣдомство.

Задача церкви, исходящая изъ существа ея,—провести христіанскія начала въ жизнь во всемъ ея объемѣ.

Интеллигенція, старообрядчество, сектантство, язвы общественности,—вотъ этапные пункты на томъ пути, который предстоитъ пройти церкви, по требованію истории—жизни, будучи „всѣмъ вся“.

Какъ собрать людей безъ пастыря въ стадо Христово, какъ освятить—охристіанить весь міръ родной, вотъ наши задачи и Соборъ призванъ вдохновить всю церковь, дабы полнота церкви, какъ достоянія Божія, восприняла въ себя всѣ области жизни.

Собору не по управленію предстоитъ организаторская дѣятельность, но первѣе всего по пастырству, миссіонерству, по растворенію жизни христіанствомъ. И здѣсь только одно—сплотиться всему существующему церков-

ному обществу и общими усиліями, за общей порукой выступить новой силой жизни.

П. А. С.

Правила приходской жизни, вырабатываемыя С.-Петербургской единовѣрческой общиной.

Общинность въ приходской жизни есть прямая, сама по себѣ естественная сила въ дѣлѣ единенія вѣрующихъ, связывающая послѣднихъ крѣпкими узами любви и единомыслія и вѣрное средство къ релігіозному одушевленію. И эту благотворную общинность трудно создать сверху грядущей реформой обще-православныхъ приходовъ. Начала церковной жизни нельзя навязать; они слагаются постепенно и передаются отъ одного поколѣнія другому нитями живаго преданія. Гдѣ историческое преданіе порвано, тамъ намѣчаемыя начала приходской жизни теряютъ свою жизненность, являются тусклыми въ общемъ церковномъ сознаніи; гдѣ каждое почти поколѣніе обзаводится для своего церковнаго обихода новыми правилами жизни, тамъ они весьма долгое время остаются на степени мѣтніи, не скоро переходятъ въ убѣжденія, приобретающія разумную силу надъ волей людей. Даже въ единовѣрціи, гдѣ организація приходской жизни признается существующей въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, не малаго труда стоитъ за послѣднее время поддерживать эту дорогую для нынѣшняго смутнаго времени приходскую общинность. И здѣсь ее можно поддержать не указами, не предписаніями какими-либо новыми, а единственно чрезъ обновленіе въ сознаніи прихожанъ лучшихъ приходскихъ традицій. Идя по этому пути, представители единовѣрческихъ приходовъ г. СПб. не нашли ничего лучшаго для укрѣпленія своей общинности, какъ лишь предать прежнія образцы ея выраженія письмени, правда не отказываясь въ тоже время отъ нѣкоторыхъ исправленій. Въ январѣ текущаго года старосты и попечители единовѣрческихъ церквей сѣверной столицы подали Высокопреосвященному митрополиту Антонію такого рода прошеніе:

„Мы поражены тѣми нестроеніями и непорядками, какія имѣли мѣсто на послѣднемъ приходскомъ собраніи 15 января сего года. Покорѣйше просимъ Ваше Высокопреосвященство утвердить прилагаемыя при семъ правила будущихъ нашихъ собраній. Въ этихъ правилахъ ничего нѣтъ новаго. Все тамъ прописанное соблюдалось у насъ искони по устному преданію. Обстоятельства заставляютъ предать преданіе письмени во избѣжаніе его искаженія“.

Изъ прошенія видно стремленіе единовѣрцевъ сохранить приходскую организацію, въ частности порядокъ приходскихъ собраній возстановленіемъ во всей силѣ приходскихъ преданій. А что ка-

сается признанія православными старообрядцами необходимости въ усовершенствованіи приходскаго быта, то за это говорятъ ихъ готовность и фактъ ихъ участія въ приходской единовѣрческой комисіи, образованной, согласно предложенію Высокопреосвященнаго митрополита, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Кирилла, епископа Гдовскаго. Эта комисія имѣла болѣе десяти засѣданій и въ концѣ концовъ выработала 40 §§ правилъ для созыва церковно-приходскихъ собраній въ единовѣрческихъ церквахъ гор. С.-Петербурга.

Общинная приходская жизнь—это самый существенный нервъ церковнаго организма, слава церкви, ея святыня. Тяжко по этому не давать общинной приходской жизни обнаруживаться по настоящему тамъ, гдѣ она обнаруживалась уже, но съ разнаго рода препятствіями. Нельзя безнаказанно ограничивать у тѣхъ же напримѣръ петербургскихъ единовѣрцевъ стремленіе слиться крѣпче и организовать изъ нѣсколькихъ приходо-въ города одну общину. Правда, нѣкоторые не понимаютъ и не хотятъ этого понять. Они соглашаются, что четыре прихода могутъ составить одно благочиніе, одно викаріатство, но ни какъ не могутъ представить, что-бы прихожане всѣхъ 4-хъ единовѣрческихъ церквей составили одну приходскую общину. Но такое ихъ непониманіе свидѣтельствуется лишь объ утратѣ истиннаго представленія христіанскаго прихода. Для этихъ людей не понятно даже и то, что общее собраніе прихожанъ распоряжается церковнымъ имуществомъ. Они ни мало-ни много составителей проекта правилъ для созыва церковно-приходскихъ собраній прямо назвали учредителями маленькой церковно-демократической республики на единовѣрческой панерти. Представители петербургскихъ единовѣрцевъ—старосты и попечители однако столь-же виноваты въ проведеніи республиканскихъ демократическихъ началъ, сколько всякіе другіе единовѣрцы. Московскіе, напримѣръ, единовѣрцы держатся и проводятъ въ жизни своей церковной общины тоже, что и петербургскіе. Прошеніе, поданное московскими единовѣрцами своему митрополиту объ учрежденіи у нихъ единовѣрческаго викаріатства, говоритъ между прочимъ и объ участіи приходской общины въ епископскомъ судѣ надъ единовѣрческимъ духовенствомъ—о томъ, что въ особенности нумляетъ въ проектѣ правилъ его противниковъ. „Мы имѣемъ, пишутъ москвичи—просители, особыя, признанныя за нами Высочайшею властью въ Божѣ почившимъ Императоромъ Павломъ Петровичемъ церковно-каноническія права (?). Сія права выражаются въ томъ, что епископъ имѣетъ долгъ лично править нами, лично, безъ всякаго посредства духовныхъ консисторій и иныхъ канцелярскихъ учреждений и долгъ руководствоваться при семъ соборными и свято-отеческими установленіями и основными церковно-государ-

ственными законоположеніями, а не современными указами и предположеніями.

Мы имѣемъ, продолжаютъ московскіе единовѣрцы, права выбора нашихъ духовныхъ пастырей и иныхъ служителей церкви и всѣ преимущества, онымъ правамъ присвоенныя какъ-то: право установленія членовъ причтовъ нашихъ храмовъ, право участія въ епископскомъ судѣ надъ нашими духовными лицами, и всѣ иныя права и обязанности правовой и самоуправляющейся церковной общины“. Выходитъ и у московскихъ единовѣрцевъ подъ знаменемъ осмиконечнаго креста и двухперстнаго сложенія церковная республика?! Напрасные ужасы и вздохи. Все прописанное въ проектѣ правилъ петербургскихъ Единовѣрцевъ, встрѣчающееся, какъ видимъ, и въ московскомъ единовѣрческомъ прошеніи,—все это соблюдалось у истинныхъ христіанъ съ древнихъ поръ. Возьмемъ наприм. вопросъ объ участіи единовѣрцевъ въ епископскомъ судѣ надъ духовенствомъ, вопросъ, болѣе всего напугавшій противниковъ проекта правилъ, а потому не формулированный въ 40 §§ правилъ выработанныхъ смѣшанною комиссіею. И этотъ вопросъ на основаніи древности можетъ быть рѣшенъ положительнымъ образомъ. Что паства можетъ, въ случаѣ суда надъ духовными лицами, принимать участіе, т. е. или обвинять и поддерживать это обвиненіе или же защищать—объ этомъ полномочіи вѣрующихъ говорятъ памятники церковной исторіи II-го и слѣдующихъ вѣковъ. Такъ напр., во 2-мъ вѣкѣ, при возникновеніи ереси Монтана, „вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собираться и, изслѣдовавъ новое ученіе, объявили его нечестивымъ и отвергли, какъ еретическое; тогда предашыя ему были отлучены отъ Церкви и лишены общенія съ нею“ (Евсевій Ц. Ист. V, 16). Нѣтъ сомнѣнія, что на соборахъ этихъ засѣдали епископы, они разбирали лжеученія заблудшихъ. Но нѣтъ ничего несправедливаго и въ томъ, что помогали имъ въ этомъ разоблаченіи ихъ пасомые. Подъ общимъ наименованіемъ „вѣрующихъ“ должны подразумѣваться не одни лишь епископы, чины іерархіи. Итакъ, „вѣрующіе“, т. е. епископы вмѣстѣ со своими пасомыми производили оцѣнку новаго ученія, осуждали его, какъ еретическое, осуждали и его послѣдователей, въ числѣ коихъ могли быть и духовнаго сана. Отъ III-го вѣка свидѣтельства по данному вопросу имѣются у св. Кипріана Карфагенскаго. Онъ, какъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „съ самаго начала епископства положилъ за правило ничего не дѣлать по одному своему усмотрѣнію, безъ согласія народа“. Такое свое правило онъ, дѣйствительно, выдерживалъ сначала до конца. Когда поднялся вопросъ о надшихъ, то названный святитель писалъ, что его нужно рѣшить послѣ гоненія, „при совѣщаніи со всѣми епископами, пресвитерами, діаконами, псалмодистами и... въ присутствіи мірянъ“ (Кипріанъ, Творенія

р. пер. 2 изд. т. 1-й стр. 175, 183, 165 и т. д.) Съ торжествомъ христіанства, съ измѣненіемъ положенія Церкви въ государствѣ внутренній бытъ ея однако остается по старому соборнымъ и въ IV вѣкѣ. „Церковь, по словамъ Св. Амвросія Медиоланскаго, есть нѣкая форма справедливости, общее право всѣхъ. Сообща она молится, сообща трудится, сообща испытывается“ (о должностяхъ, 1, гл. 29). Самое ясное свидѣтельство отъ IV вѣка объ участіи мірянъ въ епископскомъ судѣ надъ духовными лицами находится у Св. Аванасія Великаго. Этотъ Святитель разборъ дѣла даже по жалобѣ на епископа считаетъ предметомъ полномочій вѣрующаго народа и пріявшихъ власть отъ Св. Духа. „Если бы и дѣйствительно, пишетъ онъ, имѣла силу какая-нибудь на меня жалоба: то не арианину, ни кому-либо изъ держащихся ариансклхъ мудрованій, но—по церковнымъ правиламъ и по слову Павлову—собравшемуся народу и тѣмъ, которые пріяли власть отъ Духа, съ силою Господа нашего Ісуса Христа (I кор. V, 4), подлежало законно все изслѣдовать и произвести въ присутствіи изъявляющихъ свое „требование мірянъ и клириковъ“ (Твор. Аван. В. р. пер. изд. 2. ч. I, стр. 279).

Вопросъ объ участіи единовѣрцевъ-мірянъ въ епископскомъ судѣ надъ единовѣрческимъ духовенствомъ, по большей части благостномъ и дорогомъ для духовенства, однако не былъ, какъ сказано, формулированъ въ 40 §§ правилъ для созыва церковно-приходскихъ собраний. Разъясненіемъ къ этому можетъ послужить описаніе той обстановки, при которой работала приходская единовѣрческая коммиссія. Описаніемъ этимъ закончимъ наши замѣтки, предпосылаемыя къ правиламъ, выработаннымъ названной коммиссіей. Коммиссія была составлена изъ всѣхъ наличныхъ единовѣрческихъ священниковъ г. СПб., изъ всѣхъ старостъ и попечителей 4-хъ единовѣрческихъ церквей. Сначала міряне не соглашались съ измѣненіями въ поданномъ имъ проектѣ правилъ. Потомъ стали тормозить дѣло нѣкоторые изъ духовенства. Они часто, безъ всякихъ достаточныхъ основаній—оставались при особомъ мнѣніи, вносимомъ тутъ же въ протоколъ засѣданія. Случалось, что о своемъ особомъ мнѣніи иные изъ нихъ заявляли день—два спустя, а то и всю недѣлю. Все это, конечно, безъ конца задерживало работу коммиссіи, разсѣивало, ослабляло вниманіе ея членовъ. Эта задержка еще болѣе усилилась, когда въ коммиссію внесено было заявленіе отъ нѣсколькихъ прихожанъ о нежелательности какихъ-либо правилъ для приходскихъ собраний. Преосвященный предсѣдатель, епископъ Кириллъ много положилъ труда, чтобы вести занятія коммиссіи послѣ этого заявленія. Дѣло въ томъ, нѣкоторые изъ духовенства перестали, не смотря на повѣстки отъ предсѣдателя, являться на собранія, выискивая разные поводы къ своему оправданію. Свою оппозицію духовные, все время

стоявшіе лишь за интересы сословности и позабывшіе о принципѣ соборности, закончили послѣ цѣлаго ряда задержекъ и заминокъ прямымъ отказомъ подписаться подъ бѣловымъ экземпляромъ правилъ хотя подъ отдѣльными протоколами засѣданій, изъ которыхъ взяты были §§ правилъ, большинство изъ нихъ подписалось.

Изъ за отказа большинства духовенства подписаться подъ правилами, послѣдніе будутъ, согласно распоряженію Владыки митрополита, представлены на утвержденіе приходскаго собранія самихъ единовѣрцевъ.

Въ виду сначала глухой оппозиціи духовенства, съ теченіемъ времени поддержанной нѣкоторыми мірянами, бывшими даже лично въ одномъ изъ засѣданій коммиссіи, потомъ открытаго протеста большинства духовныхъ, думавшихъ все время лишь объ интересахъ своего духовнаго сословія и позабывшихъ о правахъ своихъ пасомыхъ и нежелавшихъ даже слышать о какомъ-либо участіи послѣднихъ въ епископскомъ судѣ, понятно, что вопросъ объ этомъ участіи не могъ быть включенъ въ число 40 §§ правилъ.

Въ заключеніи предпошлемъ не разъ упоминавшійся проектъ, изъ коего выродились трудами коммиссіи интересующіе насъ 40 §§ правилъ, имѣющіе фигурировать на предстоящемъ приходскомъ собраніи. Проектъ этотъ имѣетъ 12 подраздѣленій съ такого рода заглавіемъ и содержаніемъ. Приводимъ буквально.

Обязательныя правила по издавна установившемуся обычаю для созыва церковно-приходскихъ собраний въ единовѣрческихъ церквахъ г. С.-Петербурга.

1) Прихожане всѣхъ 4-хъ единовѣрческихъ церквей г. С.-Петербурга составляютъ одинъ единовѣрческій приходъ.

2) Право участвовать въ обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ приходскаго собранія принадлежитъ каждому единовѣрцу мужинѣ, если онъ:

а) имѣетъ не менѣе 25 лѣтъ отъ роду,

б) посѣщаетъ Богослуженіе единовѣрческихъ церквей, по крайней мѣрѣ въ двенадцатые праздники, кромѣ такой уважительной причины, какъ болѣзнь,

в) говѣлъ, исповѣдывался и приобщался Св. Христовыхъ Таинъ въ одномъ изъ единовѣрческихъ храмовъ, по крайней мѣрѣ въ одинъ изъ двухъ послѣднихъ лѣтъ,

г) исправляетъ всѣ требы: крещеніе, вѣнчаніе, погребеніе, молебны, панихиды и пр. въ которой либо единовѣрческой церкви,

д) участвуетъ въ содержаніи причта, не отказывается принимать священно-церковно служителей въ домъ въ праздники,

е) жертвуетъ въ установленное время въ храмъ на содержаніе и его благолѣпіе.

з) Прихожанинъ, не имѣющій всѣхъ пяти указанныхъ признаковъ, лишается права участвовать

въ приходскомъ собраніи единовѣрцевъ и исключается изъ списка выборщиковъ.

4) Списокъ правоспособныхъ прихожанъ составляется старостами и попечителями всѣхъ четырехъ единовѣрческихъ церквей совмѣстно съ священниками оныхъ и хранится хотя-бы въ одномъ экземплярѣ въ каждой церкви. Черезъ каждые два года списокъ провѣряется въ общемъ собраніи.

5) На церковно-приходскомъ собраніи председательствуетъ староста той церкви, гдѣ происходитъ собраніе, а когда онъ по какой-либо уважительной причинѣ не можетъ, почетнѣйшій членъ прихода—либо изъ попечителей, либо изъ рядовыхъ прихожанъ.

6) Определеніе о созывѣ церковно-приходскаго собранія отъ имени старосты и попечителей сообщается прихожанамъ прочтеніемъ въ церквахъ во время Богослуженія и чрезъ повѣстки подъ росписку.

7) Въ определеніи о созывѣ должны быть ясно обозначены время и мѣсто собранія, а также дѣла, предназначенныя къ производству. Дѣло не обозначенное въ повѣсткѣ не можетъ разсматриваться на собраніи.

8) Председатель представляетъ дѣла на обсужденіе и руководитъ преніями. По окончаніи преній по дѣлу, председатель предлагаетъ собранію вопросъ или вопросы относительно рѣшенія онаго, причемъ каждый вопросъ долженъ быть такъ поставленъ, чтобы на него можно было отвѣтить: „да“ или „нѣтъ“. Затѣмъ председатель объявляетъ: какое принято рѣшеніе и если не будетъ заявлено требованіе о голосованіи, то провозглашаетъ одобренное мнѣніе, какъ состоявшееся рѣшеніе собранія. Въ случаѣ требованія голосованія, таковое совершается открытой или закрытой подачей голосовъ.

9) На церковно-приходскомъ собраніи ведется протоколъ съ обозначеніемъ рода дѣлъ и состоявшихся по нимъ рѣшеній, а также заявленій или особыхъ мнѣній по требованію имѣющихъ право голоса. Протоколъ ведется председателемъ или особымъ назначеннымъ отъ собранія лицомъ.

10) Протоколъ церковно-приходскаго собранія провѣряется собраніемъ немедленно по окончаніи преній и подписывается председателемъ и желающими изъ присутствующихъ.

11) Рѣшеніе церковно-приходскаго собранія касательно выборовъ съ принадлежащими документами представляется къ Его Высокопреосвященству на утвержденіе.

12) Церковно-приходскому собранію единовѣрцевъ подлежатъ:

а) выборы настоятелей церквей, членовъ причта, церковнаго старосты и попечителей,

б) возбужденіе ходатайства предъ епархіальною властью по дѣламъ, касающимся должностныхъ церковныхъ лицъ, наприм., суда и награжденія ихъ,

в) рассмотрѣніе годоваго отчета по тѣмъ церквамъ, кои представляли его до сихъ поръ, а равно такимъ же образомъ,

г) определеніе порядка веденія отчетности, завѣдыванія и расходыванія суммъ и имущества церкви,

д) производство дѣлъ касающихся сооруженія и содержанія храмовъ, причтовыхъ домовъ и другихъ учреждений, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ и устройства кладбищъ и завѣдыванія ими.

С. Безуладновъ.

Объ единовѣрческомъ епископѣ.

(Краткая справка.)

Собравшійся нынѣшнимъ лѣтомъ миссіонерскій съездъ въ Н.-Новгородѣ въ составѣ 50 человекъ въ одномъ изъ своихъ засѣданій указалъ на необходимость Единовѣрцію имѣть особыхъ епископовъ. Такое свое указаніе миссіонеры дѣлаютъ не въ первый разъ. Они дѣлали его и въ 1905 году. Въ прошломъ году 12 августа въ Н.-Новгородѣ состоялось по этому вопросу нарочитое собраніе, плодомъ коего явился подписанный многими дѣятелями миссіи протоколъ. Постановленія миссіонеровъ по вопросу объ Единовѣрческомъ епископѣ ни нарадуютъ единовѣрцевъ. Въ нихъ они видятъ начало исполненія своихъ столѣтнихъ завѣтныхъ надеждъ и чаяній. Въ нихъ ими чувствуется духъ истины, духъ жизни, духъ свободы. Въ его спасительномъ вѣянїи давно нуждаются православные старообрядцы. Духъ этотъ живетъ въ православномъ ученіи Русской церкви. Стоитъ лишь найти средство обновленія и возрожденія его . . . **И вотъ это средство находится . . .** Находятъ его не только миссіонеры. Думаютъ о немъ думу крѣпкую и въ Предсоборномъ Присутствіи. По крайней мѣрѣ VI его отдѣлъ 5 своимъ журналомъ постановилъ: Если осуществится мысль объ учрежденіи митрополичьихъ округовъ, ходатайствовать объ учрежденіи въ каждомъ будущемъ митрополичьемъ округѣ по одному единовѣрческому епископу, наименовавъ его епархіею именемъ того или другого единовѣрческаго мѣстечка и села и подчинивъ его архипастырскому управленію всѣхъ единовѣрческіе приходы митрополїи на началахъ ставропигій или подворій съ тѣмъ, что-

бы мѣстные великороссійскіе епископы не лишены были права слѣдить за поведеніемъ клира и мірянъ и сноситься о семъ съ едино-вѣрческимъ епископомъ; а по дѣламъ, не терпящимъ отлагательства, давали бы собственныя распоряженія.

Можетъ быть немножко любви, да хоть бы и излишекъ любви и совершилось бы другое дѣйство любви. Въ спасительномъ дыханіи духа жизни всѣ нуждаются. Русская церковь, поскольку она православна, проявитъ духъ истины и въ отношеніи къ старообрядцамъ, внѣ церкви находящимся, ибо не съ тѣми Богъ, кто говоритъ:

Мы—соль земли, мы—столпъ святыни,
Мы—Божій мечъ, мы—Божій щитъ!
Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечеть рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живого,
Душой мертвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія . . .

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ еиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ
(Стих. А. С. Хомякова.)

С. С.

Переписка между Высокопреосвященнымъ Антоніемъ, Архіепископомъ Волынскимъ, Предсѣдателемъ VI отдѣла Предсоборнаго присутствія и старообрядческимъ именуемымъ архіепископомъ Іоанномъ Картушинымъ *).

29 Апрелья.

Смиренный и грѣшный Антоній, Божією милостію Епископъ Волынскій и Житомирскій старообрядческому Владыкѣ Іоанну, чтимому своею паствою за богомольную жизнь и духъ смиренномудрїа,—радоватися.

*) Въ расѣяніе слуховъ о записываніи предъ австрійскимъ священствомъ со стороны православной церкви, оглашается въ подлинномъ видѣ истинно-пастырское обращеніе, совершенное отъ своего имени Предсѣдателемъ миссіонерской комисіи Предсоборнаго Присутствія къ австрійскому согласію въ лицѣ высшаго его представителя въ Россіи. Разборъ этой переписки не замедлитъ появиться въ ближайшемъ № нашего журнала.

Редакція.

Призванный Духовною Властью для обсужденія, мѣръ къ возстановленію единства народа русскаго въ Христовой Церкви и вмѣстѣ съ нѣкими благоговѣйнѣйшими іереями единовѣрческихъ приходовъ, а равно и съ мірянами, трудящимися въ духовномъ писательствѣ, получилъ я нѣкоторыя заявленія отъ старообрядцевъ, Вашего священства держащихся, съ просьбою о приглашеніи ихъ духовныхъ пастырей и начетчиковъ для совмѣстнаго обсужденія сихъ дѣлъ.

Но и сверхъ того, всегда оплакивая наше печальное для Божественныхъ Апостоловъ и радостное для злочестивыхъ бѣсовъ раздѣленіе и призывая въ помощь своему убогому усердію молитвы святыхъ Угодниковъ Россійскихъ, утвердившихъ на родинѣ нашей правую вѣру, *по влеченію собственнаго сердца*, простираю руки къ Вашей любви и прошу Васъ и собратій Вашихъ: отложивъ грѣховное ожесточеніе другъ ко другу и, помолившись Богу, сойдемся на бесѣду о дѣлахъ церковныхъ. Поищите примѣръ святыхъ и пребожественныхъ Отецъ, въ Карфагенѣ древле собравшихся. Они въ 80-мъ правилѣ своего святаго и любезнаго Христу Богу собора постановили составить посланіе къ раздѣлившимся съ церковными чадами Донатистамъ, призывая ихъ къ единенію и нарицая ихъ *заранѣе братіями*.

Сіи Донатисты не бѣша еретицы, ни искажители Божественной вѣры, но весьма ревнуя о строгости церковныхъ правилъ, осудили Христову Церковь за благоснисхождение ея и въ великомъ множествѣ людей и епископовъ укоснѣли въ грѣховномъ раздѣленіи. Посему, не укоряя ихъ, но уважая ихъ ревность, святые Отцы сами снѣшались простирагъ имъ объятія любви и просятъ, обсудить посланіе ихъ, прислать къ нимъ представителей своихъ для бесѣды о Божественномъ законѣ и о соединеніи всѣхъ во единой святой, соборной и апостольской Церкви. Прошу и я, грѣшнѣйшій изъ всѣхъ, но вѣрующей евангельскимъ обѣтованіямъ, присылайте въ Сѣверную Столицу мужей отъ среды вашей, прїявшихъ рукоположеніе, и мірскихъ, четыре или пять челоувѣкъ, дабы обсудить вкупѣ съ моими собратіями, безъ огласки и шума, въ келліяхъ Ярославскаго Подворья (Николаевская набережная 39) пути Божественнаго Промысла для уврачеванія нашихъ двухсотлѣтнихъ скорбей.

То священство, которое получили Вы чрезъ Амвросія митрополита нашего, желалъ бы я грѣшный утвердить за Вами чрезъ примиреніе со Вселенскою Церковью. *Сіе желаніе есть мое* и нѣкоторыхъ изъ собратій нашихъ, но вѣмъ еще не говорено о томъ, да *и говоритъ боимся*, ибо, хотя по моему личному разсмотрѣнію святыхъ Канонъ сіе не есть невозможно, но доколѣ отъ Васъ равной любви не будетъ явлено, едвали глаголь сей примется съ довѣріемъ отъ Вселенскихъ Патриарховъ и Епископовъ Россійскихъ. Видимъ мы изъ перваго правила Святого и Небоявленнаго

Василія, что онъ исповѣдуетъ возможность принимать въ сущемъ санѣ отдѣлившихся, хотя и утверждаетъ, что въ отдѣленіи уже престаеетъ священство и всякое другое таинство, а сохраняется только его внѣшность, которая не ко очищенію, а ко омраченію отдѣляющихся бываетъ, якоже и Святіи Отцы, иже въ Кароагенѣ 68-мъ правиломъ утвердиша. Обаче вся сія по возстановленіи единства церковнаго паки восполняются спасительнымъ даромъ освящающей благодати даже и безъ новаго дѣйствія хиротоніи, если на сіе послѣдуетъ соизволеніе Церкви, руководящейся не суровостью прещающаго закона, но снисхожденіемъ ради духовной множества людей пользы.

Въ такомъ упованіи азъ грѣшный утвердихся, и если усмотрится навсирѣчу грядущая ревность Ваша о единеніи церковномъ, то сіи мысли буду со всякимъ дерзновеніемъ сообщать собратіямъ своимъ по епископству, дабы сотворить велию радость на небеси Сыну Человѣческому со Святими Ангелы, дабы утѣшился Пастырь Добрый, и понинѣ невидимо ходящій по дебрямъ и горамъ, и заблудшихъ овецъ Своихъ нищущій. „Ему возлюбившему насъ и омывшему насъ отъ грѣховъ нашихъ кровію Своею, и содѣлавшему насъ царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во вѣки вѣкомъ. Аминь“. Итакъ да будетъ милостивъ Господь и Богъ нашъ Ісусъ Христосъ и да вложитъ въ сердца ваши, о братія, слово взаимной любви и мира, да упразднится святотатственное раздѣленіе (103 правило Кароагенскаго Собора) и да прославится Святая Церковь во всемъ мірѣ. О семъ прошу и Вашихъ къ Богу молитвъ.

Отвѣтъ воспроизводится съ орфографіей подлинника.

20 мая 1906 года.

Смиреннаго Іоанна Архіепископа Моск-Старообрядческаго.

Многоученому и Любомудрому Антонію Епископу Вольнскому и Житомирскому.

Отвѣтное посланіе.

Исполненное христіанской Любви Ваше посланіе къ моему смиренію съ простертіемъ Вашихъ рукъ и сердечнаго влеченія, я привѣтствую съ душевною благодарностію.

Предложеніе же Ваше о присылкѣ въ Сѣверную Столицу мужей изъ среды нашей, пріавшихъ рукоположеніе и мирскихъ, въ комиссію для обсужденія мѣръ къ возстановленію Единства русскаго христіанства, очинь важное, но къ сожаленію едвали осуществимое.

Не по грѣховному ожесточенію другъ къ другу, а по тѣмъ понятіемъ и убѣжденіемъ, каковыя въ теченіе 250 лѣтъ между нами и вами, въ самой духовной жизни сложились.

Старообрядцы, напуганныя реформами Патріарха никона, ко всему новому относятся всегда съ большимъ недоувѣріемъ. Поэтому намъ, Служив-

телямъ церкви, приходится при каждомъ новомъ вопросѣ опасаться неприятныхъ послѣдствій.

Вслѣдствіе сего прежде чѣмъ назначить нашихъ собесѣдниковъ въ комиссію необходимо, требуется съ нашей стороны высказать свой взглядъ по вопросу возстановленія Единства въ рускомъ христіанствѣ. Взглядъ Етотъ слѣдующій:

Единеніе весьма желательное; о семъ молить ежедневно и св. церковь: „о мирѣ всего міра и о совокупленіи всѣхъ“; во имя сего и отцы Кароагенскаго собора приглашали увлеченныхъ въ—раздоръ данатомъ. Но суть дѣла въ томъ, что данатисты хотя и не такъ далеко отъ православія ушли какъ другія, однако же ушли; Старообрядцы же, оставшись въ до никоновской православной церкви, нисколько отъ древняго православія не ушли, и по етому имъ нѣтъ нужды дѣлать уступки для Единенія съ какою либо церковію отъ падшаго отъ древняго до никоновскаго православія.

По сему предпріятіе Ваше къ возстановленію Единства рускаго христіанства можеть осуществиться толко посредствомъ полнаго возвращенія Вашего къ до никоновскому православію, при отмѣнѣ всѣхъ новшествъ, и при отреченіи отъ тѣхъ порицаній и клятвъ, коковыми за двухъ вѣковой періодъ обогатилась господствующая въ росіи церковь.

Тогда, только тогда совершится величайшій важности событіе съ несомненно отрадными послѣдствіями, какъ въ духовномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи. во первыхъ: упаваемъ исчезнуть невѣріе во вторыхъ, всѣ рускія христіани не имѣя чемъ упрекнуть, объединятся во Единую древне православную Христовой церкви. А поступись старообрядчество чѣмъ либо новообрядчеству, оно растворится въ разныя свободомыслія. Господствующая же церковь будетъ идти тѣмже путемъ, каковымъ шла до сего времени.

Изъ етого нашего изложенія Вамъ видно будетъ, на сколько нужны или не нужны наши Собесѣдники въ Вашей комисіи. Желательно получить на сіе, Ваше заключеніе.

Да поспѣшитъ Вамъ Господь Богъ возстановить древніе, до никоновское православіе, съ неуклоннымъ исполненіемъ св. церковныхъ правилъ, Божіею милостію Смиранный Іоаннъ Архіепископъ Моск-Старообрядческій.

Второе приглашеніе отъ Архіепископа Антонія.

23 Мая 1906 г.

Сегодня имѣлъ я честь получить посланіе Ваше, достолюбезный Владыко старообрядцевъ и спѣшу отвѣтить Вамъ, что желаніе Ваше касательно снятія клятвъ съ древнерусскихъ обрядовъ въ нашей подкомиссіи тоже исповѣдуются, чему доказательствомъ являются напечатанные журналы ея засѣданій, что посылаю Вамъ отдѣльно. Изъ этихъ журналовъ, отпечатанныхъ въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ № 17 Вы увидите, что не ради угожде-

нія старообрядцямъ, а по искреннему своему убѣжденію наша коммиссія желаетъ сохранить внутри церкви древнерусскій чинъ не временно, а навсегда и при томъ съ нарочитыми епископами сего чина. Правда, тамъ старообрядцы названы раскольниками, но сіе слово допущено потому, что писали мы тогда для себя самихъ и не думали, что придется Вамъ это посылать, какъ равно не обидимся и мы, узнавъ, что на своемъ собраніи Вы насъ называли никоніанами.

Если же и по прочтеніи всего, напечатаннаго тамъ, останутся у Васъ сомнѣнія, то для того и просимъ мы пожаловать Васъ и Вашихъ на разсужденіе, да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголь. Особенно было бы отраднo, еслибъ Вы сами благоволили пожаловать въ Петроградъ, навѣстили бы свою паству, осиротѣвшую послѣ усопшаго Владыки Виталія, да и съ нами побесѣдовали бы не для препирательства, а для отысканія пути къ блаженному единенію во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава и держава, честь, поклоненіе со Отцемъ и Св. Духомъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Смиренный *Антоній, Архіепископъ Волынскій.*

Отвѣта никакого не послѣдовало.

Разность миссіонерской и пастырской точки зрѣнія.

Въ 27 № „Церковныхъ Вѣдомостей“ напечатанъ докладъ Харьковскаго епархіальнаго миссіонера г. Айвазова VI отдѣлу Предсоборнаго Присутствія: „О распредѣленіи сектъ по религіямъ“.

Докладъ обращаетъ на себя вниманіе по самому оглавленію и въ обыденномъ языкѣ, и въ наукѣ исторіи церкви секта означаетъ общину внѣ церкви, по своему понимающую и устроющую жизнь на основаніи ученія Христа. Секта можетъ удалиться отъ церкви до степени полного отдѣленія.

Наши русскія секты чаще всего создавались и развивались въ направленіи отрицанія нашей православной церкви. Иныя изъ нихъ вели скрытое существованіе, изъ страха уголовного преслѣдованія за свой дѣйствительный разрывъ съ церковью, лицемѣрно маскируя враждебность.

Но секта перестаетъ быть сектой, когда она прорывается не только съ церковью, но и съ христіанствомъ. Разъ человѣкъ выходитъ изъ церкви, онъ сектантъ, а разъ онъ отрекается отъ Христа, онъ уже не сектантъ, онъ перестаетъ быть христіаниномъ.

Миссіонеръ г. Айвазовъ напрасно трудится доказывать, что „жидовствующіе составляютъ секту нехристіанскую“. Если жидовствующіе сливаются съ евреями въ ученіи и религіозныхъ обрядахъ, они уже не наши, не христіане, а іудейскаго закона; оставляя христіанство, они, можетъ быть, не

будутъ приняты кровными іудеями: тамъ они, можетъ быть, тоже будутъ своего рода сектантами, какъ древніе самаряне; но мы то, православные, ихъ не будемъ называть сектантами, а, какъ они захотятъ назваться сами, положимъ, исповѣдующими іудейскій законъ и не наша обязанность устанавливать ихъ имя и ихъ отношеніе съ евреями въ ихъ религіозной разновидности.

Нѣтъ нашей отвѣтственности и за приписку куда либо „іеговистовъ“ отставнаго капитана Николая Ильина; намъ достаточно сказать, что они не христіане. Конечно, ихъ никогда не примутъ въ общеніе и держащіеся іудейскаго закона изъ природныхъ іудеевъ или изъ „жидовствующихъ“ русскаго происхожденія.

И тѣ, и другіе, и жидовствующіе, и іеговисты сами никогда не назовутся христіанами, если ихъ ученіе г. Айвазовъ точно излагаетъ; поэтому отчислять ихъ отъ христіанства значитъ ломиться въ открытую дверь.

Иное дѣло съ духоборами, за которыми отрицать имя христіанъ—дѣло насилія, произвола, но во имя какихъ основаній? Пусть духоборы искажаютъ церковное пониманіе христіанства, но разъ они остаются съ именемъ Христа, они христіане. Церковь имѣетъ право и обязанность заявить, что ученіе духоборцевъ ей совершенно чуждое; даже акта осужденія и отлученія здѣсь не требуется, такъ какъ въ періодъ ересей вселенскіе соборы въ лицѣ еретиковъ видѣли дерзкихъ посягателей на церковь, осуждавшихъ правду церковнаго ученія и себѣ приписывавшихъ честь быть единственными, истинными представителями церкви Христовой. Иное дѣло—духоборцы, которые отрицаютъ историческую церковь, со вселенскими соборами не выдаютъ себя въ прямомъ и единственномъ предствѣ—представительствѣ; въ духоборцахъ мы имѣемъ типичную секту, рѣшительно порвавшую съ церковью.

Тoже самое надо сказать о хлыстахъ, которые извратили христіанское ученіе, но остаются со Христомъ, какъ бы превратно они ни понимали это имя. Пусть ученіе хлыстовъ о Христѣ еретическое, пусть они исказили христіанство „мистическими“ началами языческихъ восточныхъ религій и нашего древне-русскаго финско-славянскаго кудесничества“ (sic!), но, не посягая на ихъ христіанское наименованіе, разъ оно имъ дорого, церковь должна высказать свой голосъ, если хлысты хотятъ быть въ союзѣ съ церковью и себя считаютъ принадлежащими церкви, то церковь пусть откажетъ имъ въ своемъ сообществѣ, предавъ ихъ отлученію. Если хлысты отрицаютъ церковь и имъ нисколько не нуженъ о себѣ голосъ церкви, то нѣтъ ихъ существованія для церкви и нѣтъ имъ наименованія еретиковъ, и они просто сектанты, пусть съ церковной точки зрѣнія, самозванные христіане, но христіане, по статистическому распредѣленію населенія.

Но что побуждаетъ миссіонера г. Айвазова

создавать свою точку зрѣнія на сектантство? зачѣмъ онъ утруждаетъ себя доказательствомъ, что не христіане суть не христіане и что не истинные, не церковные христіане тоже суть не христіане?

Господишъ миссіонеръ исходитъ изъ новаго уголовного уложенія, которое по вѣронсповѣдному вопросу отъ 14 марта 1906 г. измѣнено въ силу Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 г. Предоставлена закономъ свобода религіозная русскимъ гражданамъ, утверждаетъ г. Айвазовъ, но,—дополняетъ,—„исключеніе, въ смыслѣ приложенія ограничительныхъ и карательныхъ законовъ, оставлено для послѣдователей изувѣрныхъ ученій и для религій нехристіанскихъ“. Г. миссіонеръ задается вопросомъ: „*всѣ ли секты, составившіяся изъ отпавшихъ отъ православной Церкви лицъ, должны признаваться сектами христіанскими, или же некоторыя изъ нихъ должны быть причислены къ нехристіанскимъ религіознымъ общинамъ?*“ (курсивъ самого г. Айвазова).

Страшно сблизить эти два положенія, но, замѣтно, они другъ друга обусловливаютъ у автора: 1) ограничительные и карательные законы, 2) принадлежность секты къ нехристіанскимъ общинамъ.

Что-то специфическое проскальзываетъ и въ той части вопроса, гдѣ указывается на отпаденіе не просто отъ христіанства, а отъ православной церкви (видимо, усматривается квалицированное, т. е. осложненное преступленіе не просто въ отпаденіи отъ христіанства, а именно отъ православной церкви).

Судя по печальному прошлому, исканіе миссіонерское карательныхъ законовъ и въ настоящемъ случаѣ грозитъ скорбями пастырству. Съ пастырской точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія отвѣтственныхъ лицъ за жизнь церковную, Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 года, съ положительной стороны, актъ высокой христіанственности и въ исторіи русской православной церкви событіе несомнѣнной полезности.

Одно существованіе застѣнковъ въ Спасо-евфиміевскомъ монастырѣ и на Соловахъ для религіозныхъ вольнодумцевъ лежало суровымъ и, въ силу своей справедливости, безпощадно унижительнымъ для пастырства укоромъ.

Когда дѣйствовали карательные законы на подмогу церковнаго авторитета и учительства, церковь пріобрѣла такую худую славу, что лучше бы поскорѣ забыть недавнее прошлое.

Свобода пребыванія въ церкви и выхода изъ церкви, съ пастырской точки зрѣнія—та стихія, безъ которой нѣтъ прямыхъ, искреннихъ отношеній внутри церкви. Каждый отдѣльный случай отступничества отъ церкви конечно, ложится въ своей мѣрѣ на отвѣтственность пастырей, оказавшихся безсильными противодѣйствовать другимъ влияніямъ. Но и во дни апостоловъ бывали такіе христіане, которые исходили отъ нихъ, но не были

съ ними, это съ самими апостолами, этими вѣчно живыми учителями пастырства.

Съ пастырской точки зрѣнія не можетъ быть ограничительнаго толкованія закона о религіозной свободѣ, а можетъ быть только ходатайство — челобитье, чтобы распространена была свобода религіозная безгранично и чтобы не оставалось никакихъ карательныхъ законовъ за уклоненіе отъ христіанства, въ частности отъ православной церкви.

По завѣтамъ историческимъ отъ кровавыхъ дней языческихъ гоненій и по самому духу своихъ основоположеній евангельскихъ церковь совершенно чужда требованій низводить огонь, и поднимать мечъ за себя, за свое достоинство, совершенно противно природѣ церкви терпѣть существованіе карательныхъ законовъ, а желать, искать и требовать ихъ равновѣрно гоненію на церковь, это-горшее предательство святой церкви. Прямое дѣло пастырскаго служенія церкви—представить церковное ученіе и церковную жизнь въ такомъ видѣ, чтобы неестественно было отпаденіе отъ церкви ни среди сильныхъ, ни среди слабыхъ.

Полагаемъ, миссіонерское служеніе въ церкви должно состоять въ полномъ, нераздѣльномъ единствѣ съ пастырскимъ.

Полемика прежняго времени, хотя и недавняго, но по своей противо-церковности подлежащая немедленному рѣшительному изведенію во всякаго рода пережиткахъ, должна замѣниться апологетической, положительнымъ выясненіемъ всего содержанія церковнаго.

Раздѣленіе служеній въ церкви ведетъ свое начало съ первыхъ дней церкви, но ап. Павелъ во всемъ разнообразіи церковныхъ состояній видитъ органическое единство.

Откуда и почему создалась рознь у насъ между пастырскимъ и миссіонерскимъ служеніемъ церкви, о томъ разсуждать—дѣло науки. А намъ въ настоящіе дни, когда церковь призываетъ явить себя въ чистотѣ своей природы, пора быть едиными и единство свое черпать въ идеѣ церкви.

Высказываясь за разнообразіе и богатство служеній церковныхъ, какъ за желательнѣйшій показатель жизненности христіанства, представляемаго церковью, мы воздержимся отрицать миссіонерство. Вѣдь, понятіе служенія миссіонерскаго—самое внутреннее порожденіе, непроизвольное обнаруженіе убѣжденности. Миссіонеромъ неизбежно оказывается всякій съ убѣжденіемъ. Искренній христіанинъ, тѣмъ болѣе воодушевленный пастырь по внутреннему своему складу уже миссіонеръ. Но степень степени рознь въ дарѣ убѣждать другихъ, наипаче же безвѣрныхъ и невѣрныхъ, особенно же если безвѣріе и невѣріе создавалось и возростало въ комъ одновременно съ развитіемъ сознанія. Непосредственное дѣло пастыря—сохранить въ церкви вѣрныхъ и то дѣло великое, и нерѣдко сверхъ силъ человѣче-

скихъ. А уже обратитъ безвѣрныхъ и невѣрныхъ въ вѣрныхъ—то дѣло избранниковъ Божіихъ, по духу и по энергіи держащихъ встать въ апостольскій ликъ.

Ужъ если суждено нашей церкви родной явить силу Божію, если мы способны явить отъ себя ловцовъ челоуѣковъ, то служеніе миссіонерское должно быть ввѣряемо избранникамъ, засвидѣтельствовавшимся на пастырскомъ поприщѣ какъ въ энергіи, такъ еще важнѣе въ духѣ благовѣстниковъ Христа.

Буде начало избранничества, въ порядкѣ выборномъ, создастъ миссіонеровъ пастырской ревности, то, конечно, никогда не будетъ разности въ пастырской и миссіонерской точкѣ зрѣнія по вопросу о средствахъ воздѣйствія церкви на вѣрныхъ для ихъ непоколебимой вѣрности церкви, равнымъ образомъ никогда не возникнетъ принципиальнаго разногласія и по вопросу о способахъ обращенія невѣрныхъ и безвѣрныхъ въ вѣрныхъ.

А пока этого нѣтъ, можно опасаться постоянного разлада въ голосѣ миссіонерскомъ съ пастырскимъ.

Священникъ *Петръ Аксеновъ*.

Отповѣдь православнаго на защиту папства.

(Библиографическая статья на сочиненіе А. А. Байкова „Современная международная правоспособность папства въ связи съ ученіемъ о международной правоспособности вообще“ СПб. 1904 г. XXXV + 437).

Авторъ убѣжденнѣйшій защитникъ папства. Въ европейской богословской литературѣ трудъ нашего, русскаго юриста обратилъ на себя серьезное вниманіе. Насколько намъ извѣстно, наши духовные органы не отмѣтили этого труда. Только „Церковныя Вѣдомости“ открыли было свои страницы рецензіи на книгу Байкова въ №№ 43, 49, 51, 52, за 1905 годъ, но почему то пріостановилось печатаніе на среднѣ и никакъ нельзя оттуда понять, что же православные могутъ сказать въ защиту себя, въ виду новой блистательной апологіи папства. Между тѣмъ представители католичества указываютъ на трудъ г. Байкова, какъ на неопровержимое доказательство своей истинности, авторитетомъ новаго ученаго пользуясь въ беспощадной критикѣ православія. Книга г. Байкова состоитъ изъ трехъ частей: въ первой воспроизводится исторія папства, во второй излагается юридическое ученіе о международной правоспособности, въ третьей устанавливается международная правоспособность папства. Въ первыхъ двухъ частяхъ авторъ вырабатываетъ посылки, изъ которыхъ выводы въ третьей части прилагаетъ къ Ватикану.

Въ историческомъ обзорѣ папства г. Байковъ оригиналенъ: между прочимъ онъ усматриваетъ во французской революціи эпоху и для исторіи папства. Авторская точка зрѣнія въ данномъ случаѣ та, что папство, раздѣляя на всемъ протяженіи европейской исторіи судьбу ея, является главной силой прогресса въ ходѣ государственной жизни европейской: папы первыми заговорили съ массаами, поставляя народъ въ судью между собою и непокорными государями. Вызывая самодѣятельность въ массахъ, папы тѣмъ самымъ оказались главными двигателями народной массы,

торжествомъ—расцвѣтомъ дѣятельности коей является французская революція.

Существеннымъ въ содержаніи исторической главы о папствѣ служитъ положеніе автора, что папство сложилось подъ влияніемъ средневѣкового государственнаго уклада, какъ абсолютно-монархическаго.

Выступая съ краткими критическими замѣчаніями на трудъ г. Байкова, мы остановимся главнымъ образомъ на третьей части книги, потому что во 1) здѣсь излагается, въ полномъ смыслѣ слова, апологія папства, слѣд. здѣсь-то и дѣлается вызовъ православію, во 2) на первыя двѣ части сдѣланы уже замѣчанія въ статьяхъ „Церк. Вѣд.“ („Новое слово о папствѣ“), каковыя мы охотно раздѣляемъ.

Центръ тяжести въ новой апологіи папства поконится, съ точки зрѣнія православнаго богослова, на авторской убѣжденности въ преимуществѣ папства предъ соборной организаціей церкви. Остановимся вниманіемъ на основныхъ положеніяхъ г. Байкова о папствѣ, о соборности, чтобы, на основаніи его труда, выставить тезисы въ защиту православія.

Съ авторской юридической точки зрѣнія о папствѣ недосказано слово, точки на папствѣ поставлена прежде завершения имъ историко-юридическаго процесса въ полноту его природы.

Намъ кажется нелогичнымъ авторское утвержденіе: „Переустройство Церкви на началахъ абсолютной духовной монархіи, въ пользу Св. Престола, становится окончательнымъ и, надо полагать безповоротнымъ“ (236) Папство, по авторской широтѣ въ постановкѣ вопроса на почвѣ эволюціи общеевропейской, должно эволюционировать и процессъ эволюціи въ папствѣ, какъ субъектъ международнаго права, долженъ создать тѣже моменты, фазисы, какіе пережили другіе общественные организмы, насколько въ нихъ одна природа, одни и тѣже элементы.

„Духовная власть,—скажемъ словами автора—по существу тождественна свѣтской“ (234). Средневѣковой политической строй былъ абсолютно-монархическаго патріархальнаго характера. Въ государствѣ „развитіе между идеальнымъ и реальнымъ носителями государственнаго верховенства (государствомъ и государемъ) ускользало; государство терпело свой юридическій характеръ... общіе интересы цѣлаго смѣшались съ частными личными интересами монарха... Публичный элементъ Государя, какъ реальнаго носителя Государственной власти, инкорпорированной въ монархію, растворяется въ его челоуѣческой личности“ (65).—Если замѣнить слово „Государь“ словомъ „папа“, и если вмѣсто: „государство“ поставить: „церковь“, то выйдетъ также правда о папѣ, какая сказана о государѣ и государствѣ патріархальнаго средневѣковья, т. е. церковь въ католичествѣ смѣшивается и подмѣшивается папою.

И если церковь съ папою, какъ юридической природы организація, носитъ на себѣ печать среднихъ вѣковъ, если папство логическое послѣдствіе патріархальнаго монархизма въ политической жизни средневѣковой Европы, то папская церковь—анахронизмъ, искусственно-поддерживаемый порождокъ среднихъ вѣковъ.

Какъ въ государствѣ произошелъ процессъ эволюціи, дифференціація составныхъ элементовъ прежней государственности, расчлененіе и обособленіе элементовъ сложнаго состава въ самостоятельныя величины юридическія, связанныя и терпяшія въ абсолютизмѣ монарха, совершенно такой же процессъ неизбѣженъ въ папствѣ, въ католической церкви. И такъ быть должно именно съ авторской точки зрѣнія на католичество, какъ на церковную организацію строгаго юридическаго характера.

Авторская точка зрѣнія на эволюцію государственную весьма приложима къ жизни и организаціи церкви: „Участіе народа въ образованіи государственной воли—признакъ, характеризующій его политическую правоспособность выдѣляя населеніе въ качествѣ самостоятельнаго... элемента государственнаго организма, конструируетъ юридическую волю послѣдняго, что, въ свою очередь, не допускаетъ его

совпаденія съ личностью государя, другими словами,—отожествления обоих носителей государственного верховенства „идеального и реального“ (83). Т. е. голосъ церкви, чтобы быть истиннымъ, полнымъ, долженъ быть голосомъ всего церковнаго множества—народа, гдѣ бы отчетливо и самостоятельно высказывалось какъ все общество церковное, такъ и его представительство, въ лицѣ іерархіи.

Дальнѣйшія слова автора, съ измѣненіемъ языка, воспроизводятъ исторію церкви: „Участвіе народа въ образованіи государственной воли превращаетъ единичную форму власти въ коллегиальную, при которой государь, палаты и члены послѣднихъ, взяты порознь, не обладають верховною властью“ (89). Въ церковно-исторической литературѣ необычны, потому отдають диссонансомъ слова: „коллегиальная власть“, „палаты“... По существу дѣла идея церкви, какъ соборной — идея, выражаясь на языкѣ юридическомъ, идея коллегиальности, идея чуждая папства, какъ абсолютно-монархическаго верховенства. Во имя научности, авторъ не благодарить долженъ предъ папствомъ, изъ вѣрности своему юридическому мышленію, онъ долженъ бы заявить, что конструкція папства, какъ логически обусловленная средневѣковымъ режимомъ государственнымъ, должна имѣть тождественную съ государствами участь, т. е. разложиться и перейти въ новую фазу. Если уже гдѣ, то въ церкви по преимуществу абсолютизмъ и единоличность верховой власти—явленіе, рѣзко противорѣчащее прирѣдѣ, духу самойорганизациі.

Но авторъ чуждъ мысли ожидать эволюціи отъ папства, отъ католичества; по мнѣнію автора, папская организациа церкви—неизмѣнима, наилучшая и единственно правильная. Какъ юристъ, авторъ совсѣмъ не похожъ на себя въ подобныхъ утвержденіяхъ.

По вопросу о соборной организациі церкви мы находимъ разсужденія у автора въ первой части его труда.

Авторъ воодушевленно воспроизводитъ обманчивыя надежды церкви на соборы въ періодъ реформаціоннаго движенія въ католичествѣ, когда схизма грозила разрушить церковную жизнь, пѣкогда влѣденную Григоріемъ VII въ самостоятельную организацию: „Схизма прекращена, благодаря Констанцкому собору. Очевидно, что подобный фактъ не могъ не зародить чреватыхъ выводовъ-вопросовъ. Умаленіе папства возвышаетъ соборъ, этотъ высшій органъ церкви; по крайней мѣрѣ такимъ онъ самъ себя называетъ. Соборъ... является истиннымъ носителемъ религіознаго суверенитета. Собору принадлежитъ высшій надзоръ за церковными порядкомъ, за чистотою вѣрочелія. Ему принадлежитъ право искорененія ересей, проведенія необходимыхъ, въ интересахъ церкви, реформъ. Соборъ обладаетъ законодательною властью“... (101).—Ироническій тонъ автора, взятый имъ съ первыхъ словъ послѣдней цитаты, несомнѣнно, удивитъ всѣхъ, кто не найдетъ мотивовъ у автора; а эти мотивы есть. Оказывается, авторъ, благоговѣющій предъ папствомъ, послѣднее начинаетъ не ранѣе, какъ съ Григорія VII: по опредѣленіямъ Констанцкаго собора, „возстановляется прежній епископальный режимъ въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ до Григорія VII“ (102). Въ чемъ же достойна иронія сторона въ соборахъ? въ какомъ видѣ представляется у автора епископальный режимъ? Обреченнымъ на сервиллизмъ предъ государствомъ. Никакой независимости за соборомъ авторъ не признаетъ и не допускаетъ.

Какъ общее положеніе автора по вопросу объ епископатѣ, возьмемъ его хотя бы слѣдующія слова: „Развитіе религіозной власти папства коренилось въ сознаніи непригодности епископата, зависимости котораго отъ государства, роковымъ образомъ отражаясь на интересахъ церкви, была нежелательной, а независимость—недостижимой“ (83). „Недостатки, епископальнаго режима, прежде всего, обнаруживались въ зависимомъ положеніи церкви отъ государства, неизбежномъ при территориальномъ и личномъ подчиненіи мѣстнаго духовенства верховной власти послѣдняго“ (37).

Такого рода положенія проистекають изъ слѣдующаго факта юридическаго: „Пребывая въ государствѣ, не подчи-

няться его законамъ, владѣя землею, отрицать территориальное верховенство страны,—значило бы посягать на основные принципы публичнаго правопорядка“ (32).

Неудачная попытка Констанцкаго и Базельскаго соборовъ расчленить (!?) Западную церковь на совокупность автономныхъ единицъ, зависящихъ лишь отъ собора... приводить къ соборамъ (Гридентскому и 5-му латеранскому), осудившимъ радикальное направленіе соборовъ XV вѣка“ (116).

Какъ видится, авторъ въ соборахъ усматриваетъ тенденцію разбить церковь на помѣстные, автономныя церкви, фактически обрекаемая на полную потерю автономности подъ давленіемъ государства. Но тогда авторъ совсѣмъ забываетъ про то, что автономныя церкви имѣютъ у себя власть, ставящую ихъ выше территориальной власти государства, это соборы; отъ него первая главная зависимость помѣстныхъ автономныхъ церквей, авторитетность своею превосходящая вліяніе государства. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ авторъ ни во что ставитъ соборъ, дѣлая его игрушкой въ рукахъ свѣтской власти: „Въ любой моментъ государь могъ распустить по своему произволу почему-либо нежелательный ему соборъ, а виновныхъ въ непослушаніи подвергнуть возмездію, что не могло, конечно, содѣйствовать самостоятельности мѣстнаго (!) духовенства (112). Да, это все понятно, если рѣчь идетъ о соборахъ мѣстныхъ, но ни въ коемъ случаѣ никакой государь не могъ подвергнуть возмездію духовенство другого государства. А соборы по идѣе своей мыслимы, главнымъ образомъ, какъ соборы многихъ помѣстныхъ церквей, что было, наприимѣръ на Констанцкомъ соборѣ, которому авторъ ставитъ въ упрекъ подачу голосовъ по національностямъ (112).

Тенденціозность автора видна на всемъ протяженіи труда

Во второй части своего труда, гдѣ содержится догматическое изложеніе началъ науки международнаго права, авторъ съ явной тенденціей подготовить посолѣднѣе послышкіи для оправданія папства, даеть общія положенія. Одна изъ аксиомъ читается такъ: „Всякій власть имѣющій организмъ является самобытнымъ и обратно, самобытный общественный организмъ, какъ таковой, самъ по себѣ почерпаетъ источникъ господства.“ (157). Насколько только что приведенное положеніе примѣнимо къ папской церкви, оно всецѣло примѣнимо и къ соборной церкви. Еще мы читаемъ: „Дробленіе суверенной (верховой) власти по содержанію не измѣняетъ ея существа, по сколько данная власть продолжаетъ сохранять за собою существенные элементы верховенства—авторитетъ и самобытность господства“ (163). Это послѣднее положеніе взято съ союзнаго государства. Но чистѣйшій прототипъ союзнаго государства — въ восточномъ православномъ церковномъ строѣ, гдѣ верховенство—за вселенскимъ соборомъ, но, въ силу своей самобытности и самоавторитетности, соборъ переуступаетъ свои права, радѣяетъ свое верховенство между автокефальными, помѣстными національными церквами, почерпавшими свое существованіе и правоуполномочіе отъ соборной церкви, призапаче идеи которой вложено въ самый символъ Вѣры.

Не менѣе отвѣчаетъ идеѣ церкви соборная организациа, чѣмъ папство по слѣдующей формулѣ автора: „Всякій организмъ, выступающій въ качествѣ самостоятельной юридической личности, пуждается въ особомъ полеобразовательномъ органѣ, который служитъ реальнымъ носителемъ власти идеальнымъ субъектомъ которой является цѣлое“ (1871).

Снова авторъ вынуждаетъ увѣреніе, что онъ, какъ юристъ-эволюціонистъ, прогрессистъ, во имя прогресса-эволюціи обязанъ признать папство за анахронизмъ. То папство, которое, по логической необходимости, создается пѣтъ правопорядка, изъ міросозерцанія въ эпоху патриархальнаго абсолютизма-монархизма, эта самая система организациі церкви отжила свое время, когда восторжествовала идея разграниченія между представительствомъ власти въ лицѣ реального ея носителя и между творческимъ субъектомъ этой власти, тѣмъ цѣлымъ, представительствомъ котораго организуются

подъ формой реального носителя власти волеобразовательного органа.

Именно соборная церковь и есть это высшее состояніе организационное: цѣлое—вся церковь, волеобразовательный органъ—соборы; какъ самый полный и рѣшающій органъ— вселенскій соборъ; какъ органъ вырабатывающій и формулирующій голоса—соборъ мѣстной церкви.

Всячески отрицая соборность, г. Вайковъ обрекаетъ себя на нѣкоторыя затрудненія. Напримѣръ, у него вотъ сразу двѣ несомнѣнности: въ глазахъ правовѣрныхъ католиковъ, папа непогрѣшный авторитетъ въ области религиозныхъ вопросовъ „(237)“. Немного далѣе о папѣ: „власть оная держитъ отъ церкви и только предъ нею отвѣтственъ“ (238). Въ одно и тоже время папа виѣ всякаго суда и подѣ отвѣтственностью предѣ Церковью. Но нѣтъ никакой возможности поставить его подѣ отвѣтственность, нѣтъ такой инстанціи, потому что и соборъ постольку существуетъ, поскольку его признаетъ и допускаетъ папа. Здѣсь отвѣтственность совершенно отрицается фактически, хотя она de jure признается необходимой. Какъ и когда въ папской организаціи церкви осуществимы слова автора нижеслѣдующія: „дѣйствіе реального субъекта верховенства, несоотвѣтствующія волѣ идеального субъекта послѣдняго, превышаютъ предоставленныя имѣ полномочія и, въ этомъ смыслѣ, являются юридически ничтожными“ (283)? Т. е. если представители церкви разойдутся съ народомъ, со всѣмъ церковнымъ множествомъ, то тѣмъ самымъ они лишаются своихъ полномочій, съ представительствомъ соединенныхъ.

Обосновывая папство на абсолютной самостоятельности задачъ церкви, выводѣ верховенство власти церковной изъ обыденности и самодавѣющей авторитетности церкви, авторъ глубокоу правду высказываетъ: „святой Престолъ является субъектомъ правъ, непосредственно вытекающихъ изъ объективной свободы католической церкви, въ силу которой послѣдняя, функционирующая въ границахъ принадлежащей ей компетенціи, исключаетъ господство надѣ собою какой бы то ни было власти кромѣ собственной“ (400).

Да, никакія стѣсенія, никакія вышнія условия не въ силѣ жизненное призваніе Церкви уничтожить. Какъ организмъ, живущій прежде всего внутреннимъ міромъ своихъ составныхъ единицъ—индивидуумовъ, какъ организмъ съ дыханіемъ святости въ свободѣ духа, Церковь никакими адювыми вратами неодолима, но вѣчна и выше всякой власти, какъ бы послѣдняя ни была сильна, если только духъ разный. Компетенція Церкви—въ явленіяхъ жизни ея собственной, и здѣсь не до полятики: „святой Престолъ исключаетъ господство надѣ собою государственной власти въ запросахъ религиознаго характера. Это начало непосредственно вытекаетъ изъ самой природы христіанской церкви и, въ этомъ отношеніи, одинаково приложимо и къ православной“ (319).

Отвѣты на запросы.

Права Единовѣрія.

Предѣ нами письмо единовѣрца изъ г. Томска. Въ немъ до семи разнаго рода вопросовъ. Первый вопросъ: какъ приписывать къ единовѣрческому приходу лицъ изъ православныхъ и изъ уклонившихся въ расколъ. Второй запросъ касается того: можно ли по желанію и просьбѣ православныхъ служить у нихъ на дому молебны. Дальше письмо хочетъ выяснитъ отношеніе единовѣрческой церкви къ епархіальному управленію по вопросу о взносахъ на епархіальныя нужды—какъ то: на учебныя заведенія, на постройку Епархіальнаго женскаго Училища, на содержаніе и развѣзды

епархіальнаго мисіонера, на епархіальную бібліотеку и проч., на жалованье благочинному— (у нихъ, въ Томскѣ единовѣрческая церковь платитъ благочинному 21 рубль). Авторъ письма интересуется, кромѣ этого, узнать единовѣрческій порядокъ постройки при церквяхъ часовень и торговли въ нихъ свѣчами, книгами, иконами, крестиками и другими предметами священнаго обихода. Составитель письма не прочь также услышать и то: на какіе предметы производятся кружечные и тарелочные сборы при Никольской Единовѣрческой церкви г. СІБ. Въ концѣ письма ставится и этотъ вопросъ: обязательна ли для единовѣрческой церкви покупка церковнаго вина, ладона, деревяннаго масла, свѣчей и др. предметовъ изъ епархіальнаго склада?

Не входя до поры—до времени въ подробное разсмотрѣніе приведенныхъ вопросовъ, на этотъ разъ ограничимся выпиской не всѣмъ извѣстнаго указа Государя Николая I-го отъ 5-го апрѣля 1845 года. Сего числа Св. Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Его Сіятельства, Г. Оберъ-Прокурора Графа Протасова, коимъ онъ объявилъ послѣднему, что Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ „касательно способа управленія единовѣрческихъ церквей наблюдать непремѣнно и со всей точностью за исполненіемъ Высочайше утвержденныхъ въ 1800 году правилъ, безъ малѣйшаго стѣсенія Единовѣрцевъ въ ихъ обычаяхъ и церковно-хозяйственномъ порядкѣ, и чтобы, сверхъ того, снабжены были преосвященные, если окажется нужнымъ, новыми по упомянутымъ предметамъ, въ томъ же духѣ наставленіями“. Святѣйшій Синодъ во исполненіе Высочайшей воли въ тотъ же день надалъ такого рода распоряженіе: „Епархіальныя начальства касательно способа управленія единовѣрческихъ церквей обязываются непремѣнно и со всею точностью наблюдать за исполненіемъ Высочайше утвержденныхъ въ 1800 году правилъ объ Единовѣрціи, чтобы по сему ни въ богослуженіи единовѣрцевъ, ни въ церковно-хозяйственномъ порядкѣ, ни вообще въ обычаяхъ, церковью дозволяемыхъ, не допускалось никакого имѣ стѣсенія и не дѣлаемо было никакихъ нововведеній; чтобы въ дѣлахъ единовѣрческихъ церквей не было допускаемо никакого участія ни Духовныхъ Кошенисторій, ни другихъ духовныхъ начальствъ, кромѣ одного преосвященнаго и чтобы преосвященный въ таковыя дѣла (за исключеніемъ лишь требующихъ законнаго слѣдствія) непремѣнно разрѣшалъ самъ; для исполненія же своихъ распоряженій и для ближайшаго надзора за единовѣрческимъ духовенствомъ и паствою назначалъ Благочиннаго изъ среды того-же духовенства (Указъ Св. Синода 5 апр. 1845 г., II).

Издатель.

Издатель Свящ. С. Шлеевъ.
Редакторъ Свящ. П. Ансеновъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ИЗЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

ПРАВДА

ПРАВОСЛАВІЯ

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ КНИГИ:

- 1) Единовѣріе и его столѣтнее организованное существованіе въ русской церкви. Св. С. Шлеевъ, Спб. 1901 г. Цѣна 50 к.
- 2) Какой епископъ нуженъ Единовѣрію? Свящ. Сем. Шлеевъ. Цѣна 12 к.
- 3) Моисеево уголовное право. П. Аксенова, Спб. 1904 г. Цѣна 1 р.
- 4) Православно-догматическое ученіе о первоначальномъ грѣхѣ. Свящ. А. Бурговъ. Кіевъ, 1904 г. Цѣна 2 р.
- 5) Отдѣльные оттиски „Переписки архіепископа Антонія, председателя VI отдѣла Предсоборнаго Присутствія съ московскимъ старообрядческимъ архіепископомъ Іоанномъ Карпушинымъ“.